

Л

ето 1978 года. Я в отпуске в отчем доме... Хлопот много: маленькие сыновья, мама в почтенном возрасте, папе восемьдесят пять... Иду к нему в комнату, еще не открыв дверь, смотрю в верхнее стекло двери — и замираю: папа сидит за столом и беззвучно рыдает. Перед ним книга. Не смею открыть дверь, уйду. Когда отец вышел во двор (любил сидеть на солнышке), иду в его комнату: меня мучит, мне необходимо знать, какую книгу он читал. На его столе лежит томик Л.Н. Толстого, открываю — «Анна Каренина». Сколько же раз он это перечитывал! И тогда, как оказалось, за год до смерти, вновь читал и рыдал... А после сидел во дворе молчаливый, сосредоточенный, весь в себе.

В ту ночь, хотя и очень устала, не могла заснуть — нахлынули воспоминания... Я маленькая, папа читает мне сказки Льва Николаевича, рассказывает об авторе как о близком, добром и родном человеке. Я ждала этих минут, ждала встреч с дедушкой Толстым. Мир его сказок был доступен, прост и ясен. Вместе с отцом мы легко и охотно уходили в школу Филиппка, переживали за мальчугана, которого успели полюбить, желали ему добра. То вдруг оказывались в черной избе, которая топилась без трубы, была грязной, закопченной, лишь светились щели в полу. В этой избе мы вместе с Соней и Петей встретили босоногую девочку в одной грязной рубашонке и толстопузого мальчи-

ка, почти голого. Слышала, как, заливаясь, плакала от голода годовалая девочка. И уже не Соня — я говорила: «Так дайте же ей есть». И слышала ответ печальной матери плачущей девочки: «И дала бы, да нету». Как я обрадовалась, когда добрая Соня закричала няне: «Не буду я кушать, не буду... Ей отдайте молоко!..»

У меня сжималось мое маленькое сердечко, голос отца, читавшего сказку, срывался... Но я знала, была уверена, что Соня и Петя, когда вырастут большие, обязательно сделают так, как научил их дедушка, лежавший в той избе на печи: они будут делить все поровну. И тогда у всех все будет. Я чувствовала, что дедушка этот и есть Толстой (разве могло быть по-другому?), и я знала еще, что буду делать так, как Соня и Петя. И слышала голос того дедушки (нет, Толстого), он и мне говорил, и Соне, и Пете: «Ну, молодцы, детки... Уж мне не видеть, как сделаете. Хорошо задумали, помогай Бог». И я верила, что есть Бог, от Которого все в мире зависит, и знала я, что когда делаю что-то плохое, обязательно справедливый и добрый Бог скажет мне об этом или даже накажет. Так оно было...

Папа не верил в Бога, это я потом поняла, когда тайно от папы меня крестила бабушка, мама моей мамы. Я перешла в третий класс. Бабушка жила на станции Лев Толстой (удивительно!). Приехала тетя Лида, сестра мамы, с грудным сыночком. Крестили младенца и меня. Мне серьезно объясняли: «Смотри, ничего чтоб не знал твой папа. Если ты расскажешь, то очень плохо будет бабушке, понимаешь?» И я понимала, потому что очень любила бабушку. И понимала, что папа мой был против моего крещения. Но еще знала то, что есть Бог. Это узнала из сказок Толстого. Значит, Толстой принимает Бога и верит в Него... Почему же так ведет себя папа? На этот вопрос ответить не могла. Дала слово Богу, что ничего не скажу папе... Так папа и умер, не зная, что меня покрестили в церкви на Остром Камне. После крещения моя жизнь изменилась: те страшные чудовища, которые часто являлись мне во сне, покинули меня...

Теперь мне много лет. Задаю себе вопрос: как так получилось? Папа, образованный человек, любя Толстого и подражая ему (в миросозерцании), не верил в Бога? Будучи ребенком, на всю жизнь именно благодаря Толстому, его творчеству (сказки), точно знала, что Бог — это все, что жить без Бога нельзя, и это осталось на всю мою жизнь.

Да, мой отец не мог в то время в силу своей занятости прочитать почти недоступные труды И. Кронштадтского, не читал он, вероятно, и труд Толстого «Обращение к духовенству». Вспоминаю рассказы отца (была уже взрослым человеком) о духовстве, о конкретных ситуациях жизненных, в которые он попадал, о церкви... Это очень сильно пересекается с антихристианским учением Л. Толстого. Но ведь Л.Н. Толстой веровал в Господа и причащался, и исполнял утренние и вечерние правила... Но ведь и отец мой веровал — венчался в первом своем браке (жена умерла)... Что произошло потом?

...В 1961 году проводила лето в пионерлагере, находящемся километрах в четырех от Ясной Поляны. Я уже в свои пятнадцать лет прочитала «Войну и мир». Моя любимая Соня из сказки Толстого выросла вместе со мной. Но я узнала ее, узнала и в Соне, и в Наташе Ростовой. Соня из сказки Толстого сдержала свое слово: все делит даже не пополам — отдает больше, оставляет себе меньше. В романе 569 действующих лиц. Но Толстой (это нельзя не заметить) более всего любит Наташу, любит за ее ЛЮБОВЬ. А я и до сих пор не сделаю выбор: кто больше близок мне — Наташа? Соня? Княгиня Марья?.. Почему я не могу абсолютно разделить любовь Толстого к Наташе? Какой он, Толстой?

...Мы входим в Ясную Поляну. Толстой родился здесь, вся жизнь его связана с этим местом... Далее — как мираж! По дороге навстречу шел... Толстой. В подпоясанной толстовке навыпуск, с характерной бородой. Здравуемся: «Дедушка, а Льва Толстого Вы видели?» — «Не только видел, но и учился у графа». Далее наш

наивный, возможно, самый главный вопрос: «А каким он, Толстой, был?» Из-под лохматых серых бровей испытующе мудрый взгляд. Минута молчания — и: «Милые вы мои, как сказать вам?.. Солнышко — и оно неравно всем светит. Разный он был, разный...»

Так для меня началась Ясная Поляна. Тот дедушка навсегда рядом с Толстым — грешным и земным, как все мы, великим и мудрым, как немногие избранные. С одной стороны, писатель остается добрым и светлым, как тот старик в его сказке (он таким и был, верю в это, когда писал эту сказку); с другой стороны, — равнодушный, безразличный к горю человеческому, — когда жил в реальной жизни...

Да, Толстой был разным... С одной стороны, он видел в женщине светлую, духовную силу, чистоту, искренность, добро. Страничка из «Войны и мира»: «Князь Андрей улыбнулся теперь тою же радостной улыбкой, которою он улыбался тогда, глядя ей (Наташе) в глаза. «Я понимал ее, — думал князь Андрей, — не только понимал, но эту-то душевную силу, эту искренность, эту открытость душевную, эту-то душу ее, которую как будто связывало тело, эту-то душу я и любил в ней... так сильно, так счастливо любил» (1). Это святое отношение А.Болконского к женщине не пришло ли от Толстого?

С другой стороны, утверждает Горький («Лев Толстой») (2), к женщине Толстой относится «непримиримо враждебно и любит наказывать ее, — если она не Китти и не Наташа Ростова, то есть существо недостаточно ограниченное. Это вражда мужчины, который не успел испытать столько счастья, сколько мог, или вражда духа против «унизительных» попыток плоти. Но это — вражда, и — холодная, как в «Анне Карениной». И еще вспоминает Горький: «Читал Толстой Сулеру и мне вариант сцены падения «Отца Сергия» — безжалостная сцена. Сулер надул губы и взволнованно заерзал.

«Ты что? Не нравится?» — спросил Лев Николаевич. «Уж очень жестоко, — точно у Достоевского. Эта гнилая девица, и груди у нее, как блины, и все. Почему он не согрешил с женщиной красивой, здоровой?» — «Это был бы грех без оправдания, а так — можно оправдываться жалостью к девице — кто ее захочет, такую?» — «Не понимаю я этого...» — «Ты многого не понимаешь, Левушка (Сулержичского тоже звали Лев. — З.Е.), ты не хитрый...»

Опять же у Горького: «Сулер, Чехов, Сергей Львович и еще кто-то, сидя в парке, говорили о женщинах, Толстой слушал безмолвно и вдруг сказал: «Я про баб скажу правду, когда одной ногой в могиле буду, — скажу, прыгну в гроб, крышкой прикроюсь — возьми-ка меня тогда!» И его взгляд вспыхнул так озорно-жутко, что все замолчали на минуту».

Толстой был разным... Но годы обучения на филологическом факультете только еще более убеждали в гениальности великого писателя. Да, он отлучен от Церкви... А что есть Церковь? Не знала. Понимала лишь ясно: писатель критиковал все безнравственное и в мирской жизни, и в жизни Церкви. Видела Толстого с одной стороны, а с другой — не видела, потому что не было для этого необходимых ни знаний, ни опыта. Став педагогом, искренне пела гимн Л.Н. Толстому, как великому писателю мира. Сколько душ, светлых и ищущих, пло за мной?!

Казалось тогда (я не ходила еще в Церковь), что Толстой, как и православие, служил «великому делу любви». Еще бы! Достаточно вспомнить: «Но я верю во многое, во что они хотят уверить людей, что я не верю.

Верую я в следующее: верю в Бога, которого принимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что Он во мне, и я в Нем...» На склоне лет, обращаясь к юношеству, Толстой писал: «Верьте себе и живите так, напрягая все силы на одно: на проявление в себе Бога, и вы сделаете все, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира» (3).

...Впервые попала в храм на праздничную службу, когда мы приехали в Псков. Впервые увидела идущего по платформе священника в облачении. Показалось, что увидела что-то светлое, далекое от меня, но так дорогое мне. Неведомое, мое, необходимое для меня, мощное, единственно верное, ясно-неясное будто толкнулось в душе, как ребенок под сердцем... Как же живу я без Храма? «Яблочный спас». Псковский Кремль. Службу вел митрополит Псковский. Трудно передать мое состояние словами, можно было бы только — музыкой. Вспомнилось, как Толстой восхищался музыкой, говорил о ней как о «немой молитве души».

«Как же — немая?» — спросил Сулер. «Потому что — без слов. В звуке больше души, чем в мысли. Мысль — это кошелек, в нем пятаки, а звук ничем не загажен, внутренне чист». Таков был ответ Толстого...

Мои близкие оставили меня в храме. Музыка той службы, перемешанная с самой прекрасной светской музыкой, звучит во мне по сей день. Слушая проповеди митрополита, поняла, что те же самые нравственные истины пытаюсь донести до своих студентов на лекциях по русской литературе XIX века, особенно, когда говорю о Толстом. О любви, о добре и правде, о сострадании и сочувствии говорил проповедник. О незлобности, об умении терпеть и прощать, о великодушии и самопожертвовании. Не знала тогда, что человек спастись без Церкви не может. Это пришло потом, когда стала ходить в Церковь и читать духовную литературу. В «Православном катехизисе» святителя Николая Сербского автор ясно и кратко отвечает: «Без Церкви человек спастись не может, ибо Церковь есть ризница Божьей благодати, без которой никто не может спастись, как не может жить рука, отсеченная от тела». Почему необходимо причащаться? Ответ святителя: «Потому что от этого зависит наша вечная жизнь. Иисус Христос сказал: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь, имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6,54) (4).

Как относился Л. Толстой к Церкви и к Причащению? Откройте роман «Воскресенье», часть первую и на странице 137 прочитайте. Лично мне страшно цитировать эти предельно богохульские описания святого действия, коим является Причастие...

...Приезжала в отпуск в родной дом. Как всегда, с отцом говорили о литературе, писателях, о живописи. Когда вопрос касался религии, он теперь почему-то молчал, будто самое главное скрывал в себе. Видно было, что это его мучило. Оставались последние годы жизни, и ничем не могла ему помочь, понимая, что тяжелейший груз своей длинной жизни он несет молча, не надеясь ни на чью помощь...

Удивительно, Горький, вспоминая о Толстом, писал: «...А молчит он внушительно и умело, как настоящий отшельник мира сего. Хотя и много он говорит на свои обязательные темы, но чувствуется, что **молчит еще больше**. Иного — никому нельзя сказать. У него, наверное, есть мысли, которых он боится... Я глубоко уверен, что помимо всего, о чем он говорит, есть много такого, о чем он всегда молчит, — даже в дневнике своем, — молчит и, вероятно, никогда никому не скажет. Это «нечто» лишь порою и намеками проскальзывало в его беседах, намеками же оно встречается в двух тетрадках дневника, которые он дал читать мне и Л.А. Сулержицкому; мне оно кажется чем-то вроде «отрицания всех утверждений» — глубочайшим и злейшим нигилизмом, который вырос на почве бесконечного, ничем не устранимого отчаяния и одиночества, вероятно, никем до этого человека не испытанного с такой страшной ясностью...»

«Злейший нигилизм» — глубоко, верно и тонко увидел Горький во Льве Толстом. Человек, искренно верующий в Бога, смерти не боится, да, он думает о ней всегда и старается быть готовым к смерти — встрече с Господом, то есть предстать

пред Отцом достойным сыном. Толстой всю жизнь боялся смерти и ненавидел ее: «Всю жизнь около его души трепетал «арзамасский ужас», ему ли, Толстому, умирать?»

(В сентябре 1869 года Толстой остановился в гостинице Арзамаса. И не мог уснуть. Ему казалось, что он от кого-то убегает, и он не понимал своего ощущения. После в «Записках сумасшедшего» описал этот «арзамасский ужас»:

«Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, никакое имение ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе... Что я тоскую, чего боюсь? — Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут. — Мороз подрал меня по коже...

...Нашел подсвечник медный с свечой обгоревшей и зажег ее. Красный огонь свечи и размер ее немного меньше подсвечника, все говорило то же. Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть» (Л.Н. Толстой. Записки сумасшедшего, М., изд. «Худ. лит.», 1964, с. 6) — З.Е.).

Весь мир, вся земля смотрит на него; из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити, его душа — для всех и — навсегда. Почему бы природе не сделать исключения из закона своего и не дать одному из людей физическое бессмертие, — почему? Он, конечно, слишком рассудочен и умен для того, чтобы верить в чудо...»

...Вновь вспоминаю отца. Он был всего лишь агрономом, но был мыслящим человеком, образованным, равнодушным, тонко чувствующим, безразличным ко всяким материальным благам, не сделавшим профессиональную карьеру по причине того, что отказался быть членом партии. Но внутреннее его мирозерцание, понимание главного вопроса жизни: спасение души для жизни вечной, — совпадало в самом основном с Л. Толстым. Потом встретила в жизни, особенно в среде нашей интеллигенции, много людей прекрасных, дорогих сердцу, мыслящих (среди них и люди государственной службы, и математики, и архитекторы, и художники, и артисты) — и абсолютно совпадающих в этом главном вопросе с Л.Н. Толстым.

Физическое бессмертие? Почему природа не сделала исключение для Толстого? Но ведь природу создал Творец. Толстой сам не раз говорил об этом. Не природа делает исключение, а — ТВОРЕЦ. И людей, принимающих Его, верующих в Него и живущих (старающихся жить) по законам, данным Богом, этих людей Он принимает, и «физическая» жизнь не как исключение, а как естественное продолжение жизни Божеской сыновей и дочерей дарится Богом. Не лишним будет вспомнить приводимые на этот счет мысли святого Николая Сербского. О каком же продолжении жизни говорить, если человек не причащается, не исполняет главную просьбу Господа? Говорят духовные люди, что Варвара Великомученица достойного причащения причастит ТАМ. Только это несколько успокаивает, когда молюсь об отце и прошу Господа помянуть его в Царствии Своем и простить ему все его согрешения.

А как молиться о Л.Н. Толстом? Если этот великий писатель отрицает церковь, молитву в церкви, отвергает, что Иисус есть Христос, отвергает Его рождение от Духа Святого и Девы Марии (глумится над этим), отвергает Пресвятую Троицу?.. Если дерзает заявить, что он, Толстой, дает людям исправленное им учение Христа, предлагает свое Евангелие? «Он — человек, взыскивающий Бога не для себя, а для людей; дабы Он его, человека, оставил в покое пустыни, избранной им. Он дал нам Евангелие, а чтоб мы забыли о противоречиях в Христе, — упростил образ Его, сгладил в Нем воинствующее начало и выдвинул покорное «воле пославшего...» (М. Горький. «О литературе»). Горький пытается оправдать Толстого, но

честен в своих воспоминаниях: он видит Толстого *разным*. С одной стороны — восторженное отношение, как к гениальному писателю, с другой, — искренние печальные мысли: «Удивляться ему — никогда не устанешь, но все-таки **трудно видеть его часто**, и я бы не мог жить с ним в одном доме, не говорю уже — в одной комнате. Это — как в пустыне, где все сожжено солнцем, само солнце тоже догорает, угрожая бесконечной темной ночью...

...Во Льве Николаевиче есть много такого, что порой вызывало у меня чувство, близкое ненависти к нему, и опрокидывалось на душу угнетающей тяжестью. Его непомерно разросшаяся личность явление чудовищное, почти уродливое, есть в нем что-то от Святогора-богатыря, которого земля не держит. Да, он велик!»

Но истинно великое бывает только тогда, когда оно освящено благодатью Божией, светом Христа. Если же человек будет руководствоваться прежде **очищения истиной** своим вдохновением, то он будет издавать из себя и для других не чистый свет, а смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом, более или менее. Оптинский старец Макарий в мыслях о графе Толстом: «В Священном Писании сказано: «Слово Твое истина есть» (Иоанн. 17,17). И еще: «Аз есмь путь и истина и живот» (Ин. 14,6), то есть только в Христе находится Путь к Абсолютной Истине, только во Христе может быть истинная жизнь (5).

Толстой и Достоевский лично никогда не встречались. Ф.М. Достоевский высоко ценил художественные произведения Толстого. Однако его философские, религиозные и моральные рассуждения Достоевский не принимал, считая Толстого «неисправимым гордецом, который представляется смиренным, и в высшей степени сложным и изломанным, который только представляется простецом».

Толстой же отзывался о творчестве Достоевского даже и не скажешь, что плохо. Как он судил о языке Достоевского: «Он писал безобразно и даже нарочно некрасиво, — и уверен, что нарочно, из кокетства... (М. Горький. «О литературе»). «Записки из мертвого дома» — прекрасная вещь, но остальные произведения Достоевского я не ставлю высоко» (6). Это и понятно: Толстой и Достоевский расходились в главном — **в вере**. Достоевский верил в Христа, в Христе он видел абсолютную истину. Если бы была найдена истина, и «если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной». Толстой же ставит себя рядом с Христом: «Я и Христос». Подтверждение того «соперничества» — написанная им в 1884 году книга «В чем моя вера?» Горький обращает внимание на то, что Толстой давно собирался «пострадать», цель его страданий была с «деспотическим намерением усилить тяжесть своего учения, сделать проповедь свою неотразимой, освятить ее в глазах людей страданием своим и заставить их принять ее, вы понимаете — заставить! Ибо он знает, что проповедь эта недостаточно убедительна... он все знает! И все-таки говорит: «Пострадай я за свои мысли, они производили бы другое впечатление?! Это всегда отбрасывало меня в сторону от него, ибо я не могу не чувствовать здесь попытки насилия надо мной, желания овладеть моей совестью, ослепить ее блеском праведной крови, надеть мне на шею ярмо догмата».

Представляет интерес общение Ф.М. Достоевского с графиней Александрой Андреевной Толстой, камер-фрейлиной русского императорского двора, старейшей придворной дамой при дворе императора Николая II. Двоюродная тетюшка Льва Николаевича Толстого, ее отец, полковник Андрей Андреевич Толстой, был младшим братом деда писателя, Ильи Андреевича. Она познакомилась с Федором Михайловичем незадолго до его смерти. Ее мучили тяжелые вопросы, которые вставали пред ней в связи с перепиской с Толстым. Дабы как-то облегчить свое состояние, показать Достоевского, она ждала от великого писателя и совета, и по-

мощи. Смертельно больной Достоевский назначил свидание. Это было единственным в ее жизни общением с Достоевским, которое в памяти осталось навсегда. В своих «Воспоминаниях» А.А. Толстая написала: «...Когда вопрос коснулся Льва Николаевича, он попросил меня прочитать обещанные письма громко. Странно сказать, но мне было почти обидно передавать ему, великому мыслителю, такую путаницу и разбросанность в мыслях... Вижу еще перед собою Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: «не то, не то!..» Он не сочувствовал ни единой мысли Льва Николаевича... Я нисколько не жалею потерянных писем, но не могу утешиться, что намерение Достоевского осталось невыполненным. Через пять дней после этого разговора Достоевского не стало...» (Русские писатели XIX века, с. 358).

Когда умер Достоевский, Толстой писал: «Я никогда не знал лично этого человека, но, когда он умер, я почувствовал, что это был самый близкий, самый нужный мне человек, какая-то опора отскочила от меня, и я растерялся». Это был 1881 год. 29 лет жизни у Толстого было впереди. В 1902 году Иоанн Кронштадтский, который умер за два года до смерти Толстого, пишет статью «Ответ на обращение Л.Н. Толстого к духовенству» (7). Было у Льва Николаевича много времени, чтобы в лице Иоанна Кронштадтского обрести и самого нужного человека, и опору, потерянную с уходом Достоевского. Он мог бы обрести опору и в лице оптинского старца Амвросия, с которым был знаком и не раз встречался.

Церковь боролась за спасение души Л.Н. Толстого. 4 января 1908 года в Ясную Полию приезжал священник Троицкий. После отъезда священника Толстой стал рассказывать о его пощении. По словам Толстого, Троицкий сказал ему, что церковные обряды — это скорлупа на яйце. Если прежде времени скорлупу сколупнуть, то цыпленок не выведется. «Я сказал ему, — продолжал Толстой, — что скорлупа — это тело, цыпленок — это дух, а ваше учение, — это дерьмо на скорлупе. Он очень обиделся. Я еще резче сказал...»

Почему так? Поначалу тоска по Достоевскому, а потом — страшное богохульство. И это богохульство усугублялось. В 1909 году 20 января Толстого посетил Тульский епископ Парфений. После в дневнике Толстой написал: «... Особенно неприятно, что он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью. И поэтому заявляю, кажется, повторяю, что возвратиться к Церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении — ложь... Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло». Выдержки из книги епископа Иоанна (Шаховского) «Толстой и Церковь» (Берлин, 1939) приводит профессор И.М. Андреев: «Личность Толстого невозможно понять без главного ключа к ней: Толстой несомненно был одержимым» (Русские писатели XIX века, с. 455).

Даже жена Толстого, Софья Андреевна, написавшая письмо к митрополиту Антонию, письмо, в котором она защищает своего мужа, обвиняя во всех грехах Церковь, даже она (через год после отлучения Толстого) по поводу кощунственной легенды мужа «Разрушение и восстановление ада» в своем дневнике пишет: «Это сочинение пропитано истинно дьявольским духом отрицания, злобы, глумления надо всем на свете, начиная с Церкви... А дети — Саша, еще неразумная, и Маша, мне чуждая, — вторили адским смехом злорадствующему смеху их отца, когда он кончил читать свою чертовскую легенду, а мне хотелось рыдать...» (Русские писатели XIX века, с. 455).

В 1902 году Толстой пишет свое «Обращение к духовенству». Более циничного и кощунственного отношения к православию трудно представить. Даже в Совет-

ской России это христианское было напечатано лишь однажды — в 90-томном полном собрании сочинений. Том 34-й. Текст был доступен только для специалистов. За границей же «Обращение к духовенству» и «Легенда о восстановлении ада» напечатаны были в пресловутом издании Генриха Каспари. Приснопамятный батюшка, отец Иоанн Кронштадтский, великий духовный подвижник, смиреннейший, любвеобильный Божий иерей откликнулся. Не мог не откликнуться на пасквили. Никогда и ни о ком не писал отец Иоанн с таким необычным гневом, с таким высшим чувством неприятия, как о Толстом: «Толстой думает, говорит и пишет на почве безбожия и полного отрицания всего того святого, что носит в себе печать богооткровенности; гордость, самомнение, самообожание, презрение к Самому Богу и Церкви — вот его первооснова; другого основания у него нет...

Под живым впечатлением отлучения от Церкви он решился забросать ее, сколько можно, грязью... Толстой, исказив смысл Евангелия, исказил смысл Ветхого Завета и искаженные события передает в насмешливом тоне... Говорит: «Была ли такая вредная книга в мире, наделавшая столько зла, как книга Ветхого и Нового Завета»... Ренаны, бюхнеры, шопенгауэры, вольтеры — ничто в сравнении с нашим безбожным россиянином Толстым. Написанное Толстым в «Обращении» — с точки зрения христианской — одно безумие».

Когда-то я читала, слушала лекции (как же не доверять?), информации о том, что Толстой тайно от семьи уходит из Ясной Поляны, потому что тяготится зажиточной жизнью графа, потому что хочет быть странником, то есть разделить свою жизнь с людьми страждущими, неимущими, нищими. Это обстоятельство придавало еще большее величие великому писателю. Прошу прощения у своих учеников: по неведению я это говорила. А было-то совсем по-другому.

В книге И.К. Сурского «Отец Иоанн Кронштадтский» подробное объяснение обстоятельств смерти Л.Н. Толстого. Иоанн Кронштадтский не раз в своих проповедях, в своих трудах громил Л. Толстого, предсказывая ему лютую кончину. Кончина Толстого, действительно, была таковой. Граф на станции Козельск нанял ямщика и поехал к сестре-монахини в Шамординский женский монастырь. Сестра и монахини были поражены его приездом. Близкие монахини пришли в келию сестры графа. Ужасы, которые рассказывал Толстой, переданы со слов келейницы и пришедших монахинь. «Последнее время, — рассказывал граф, — мне не дают покоя ни днем, ни ночью какие-то страшные чудовища, которых я вижу, а другие не видят. Эти чудовища угрожают мне, и вид их приводит меня в ужас и трепет. Я пригласил к себе соседних священников. Двое отказались приехать ко мне, а третий приехал, но я его не успел встретить, так как домашние мои ему отказали, и он уехал, по этой причине я и бежал из дома тайком».

Советы монахинь подействовали на Толстого, и он расплакался и немедленно на тех же лошадях поехал в Оптиный монастырь. Был Толстой в хорошем физическом состоянии, свободно поднимался на высокую гору, где стоял монастырь. Монахи послали запрос епископу, так как Толстой Святейшим Синодом был отлучен от Православной Церкви, и без благословения епископа просто не рискнули его принять. Граф решил ожидать ответа в монастыре, и благоприятный ответ пришел, но уже после отъезда Толстого из монастыря.

Можно предположить, что если бы не приехали к Толстому его дочь и врач, может быть, все было бы по-другому. В то время многие высказывали также предположение, что доктор, потому как Толстой приездом их был очень расстроен, дал графу успокоительное лекарство, но или доза была велика, или сердце не выдержало — но это стало, очевидно, причиной смерти. До приема лекарства граф был бодр... По дороге на юг умер на почтовой станции Астапово.

Обстоятельства смерти были лютыми... Толстой просил дать телеграмму о том,

чтобы из Оптиной Пустыни к нему приехали священнослужители. На запрос оптинского старца Иосифа о возможности приезда по распоряжению Александры Львовны было отвечено: «Семья просит не приезжать. Видеть невозможно». Тем не менее, Мать-Церковь, в лице своего первоиерарха, митрополита Антония (Владковского) и святых оптинских старцев, сама пришла к одру умирающего великого еретика. Церковь ждала только одного слова — «какошь», тогда было бы прощение и принятие в лоно Православной Церкви. Приехавшие из Оптиной старец Варсонофий и иеромонах Пантелеимон (врач) к Толстому допущены не были.

В телеграмме игумена Варсонофий сообщал: «Граф Толстой скончался сегодня 7 ноября в 6 часов утра... Умер без покаяния. Меня не пригласили». В другой телеграмме игумена Варсонофий было следующее: «Согласно воле графа, тело его будет перевезено завтра в Ясную Поляну и погребено без церковных обрядов в саду». Окружившим корреспондентам старец Варсонофий ответил: «Вот мое интервью, так и напишите: «Хотя он и Лев, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана».

«О кончине людей монахи говорят так: люди высокоблагочестивые перед смертью видят светлых духов. Великим грешникам, наоборот, перед смертью является так называемое духовное зрение, и они видят окружающих их нечистых духов, которые ожидают смерти, чтобы взять душу нечестивца и ввергнуть ее в ад крошечный» (И. Кронштадтский. Российские судьбы, М., «Новатор». 1988, с. 169).

Таким образом, пророчество Иоанново исполнилось. Не было воли Божией, чтобы Толстой вернулся в лоно Православной Церкви.

Церковные круги и правые идеологи настаивали на том, что православная государственность не вправе воздавать посмертные почести человеку, отлученному от Церкви. В то же время, русское общество и иностранное общественное мнение смерть Толстого восприняли как великую русскую утрату.

Государь Император как бы примирил все и всех. На докладе о кончине Толстого он написал: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования в творениях своих родные образы одной из сложнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему Милостивым Судьей».

Тонкий сон матушки Марии (сестры Л.Н. Толстого), вернувшейся с похорон брата, поразил ее до глубины душевной. Опуская многие подробности, возьмем главное: «Ночь. Рабочий кабинет Льва Николаевича... Лампа под темным абажуром. За письменным столом, облокотившись, сидит Лев Николаевич, и на лице его отпечаток такого тяжкого раздумья, такого отчаяния, какого я еще никогда у него не видала... Непроницаемый мрак; освещено только место на столе и лице Льва Николаевича, на которое падает свет лампы. Мрак в комнате так густ, так непроницаем, что кажется даже как будто чем-то наполненным, насыщенным, материализованным. И вдруг вижу, раскрывается потолок кабинета, и откуда-то с высоты начинает литься такой ослепительно-чудный свет... И в свете этом является Господь Иисус Христос, в том Его образе, в каком Он написан в Риме, на картине видения архидиакона Лаврентия: пречистые руки Спасителя распростерты в воздухе над Львом Николаевичем, как бы отнимая у незримых палачей орудия пытки... Но он этот свет как будто и не видит!.. И вдруг сзади Льва Николаевича из самой гущины мрака начинает вырисовываться и выделяться иная фигура, страшная, жестокая, трепет наводящая... Простирая свои руки на глаза Льва Николаевича, закрывает от них свет тот дивный... Левочка делает отчаянные усилия, чтобы отстранить от себя эти жестокие, безжалостные руки...

На этом я очнулась, услышала как бы внутри меня говорящий голос: «Свет Христов просвещает всех».

Всех, всех... Господь милостив... Матушка Мария, любившая брата, сильно душевно переживала потому, что старец Иосиф (у него она была на послушании) запретил ей молиться об умершем, отлученным от Церкви. Только спустя время и видя нравственную пытку духовной дочери, старец разрешил ей молиться, но только келейно в одиночестве.

Мысли снова возвращаются в мое детство. Станция Лев Толстой, бабушка... Я в музее Л.Н. Толстого, в комнате, где умирал писатель... Сохранены те обои, которые были тогда... На обоях, на стене угольком обозначен профиль умирающего Толстого. Мне страшно... Я, ребенок, не могу поверить, что его нет, он умер... В комнате нет ни одной иконы. Хозяин дома, начальник станции, давший последний приют Л.Н. Толстому, был лютеранин. Тогда было страшно... Это сейчас понимаю, что ничего случайного в жизни не бывает...

Толстовцы не хотели терять своего лидера. Не посчитались даже с тем, что Толстой, умирающий, просил допустить к нему священника. Они даже не позволили жене, Софье Андреевне, проститься с мужем. Может, это не они? Может, это воля Божия была. Мы можем только предполагать. Можем скорбеть вместе с сестрой монахиней Марией... Можем помолиться келейно, но как?

...Вновь и вновь вспоминаю своего отца. Плача над «Анной Карениной», он расстался с жизнью... Так и ушел к Господу без покаяния и причащения... И сейчас с тем же непостижимым упорством очень замечательные мои знакомые боготворят Толстого и живут, во всем ему подражая... Но не могущие понять самую главную науку — науку о спасении души. Если человек отвергает Бога, то на место Господа неминуемо приходят идолы. Вот и секты разные: толстовцы, йоги, иософовцы...

...Встречаю знакомую, с которой когда-то вместе ходили в крестный ход: «Что-то давно не вижу тебя в храме?» — «Я не хожу теперь в храм». «Почему?» — «Мне не нужна такая церковь... Не церковь, а сплошной бизнес...» — «Но ты идешь в церковь к Господу, а не к батюшкам. Они земные люди и тоже грешные... Зачем судить? Господь же все видит. На тебе даже и креста нет?». — «Я его не ношу теперь...» — «Ты где-то в секте?» — «Нет, я занимаюсь йогой...» — «Но это же страшно — надо каяться!» — «Что там страшного? Там все тоже обращаются к Богу...»

...Как силен сатана! Да, силен. Но Господь сильнее. Господь дал нам свободную волю, свободный выбор. И надо делать усилия. «Жизнь есть то усилие, которое совершаем в настоящем... Жизнь есть только это усилие, жизнь — в настоящем». Удивительно, но эти слова принадлежат Льву Николаевичу Толстому. И он же хотел рая на земле, и мы сегодня заботимся о том же. Какие усилия? Даже Лев Николаевич Толстой, человек с сильной волей, не смог сделать это усилие. Да, воистину: «... Хотя он и Лев, но не мог разорвать кольца той цепи, которую сковал его сатана» (Варсонофий).

Что такое *усилие*? Лучше всего это объясняет Анастасия Цветаева, которая, когда ей было за 90 лет, в интервью на вопрос, верит ли она в Бога, ответила: «Какой же умный человек не верит в Бога?» Так вот, Анастасия Цветаева в своих воспоминаниях (они написаны как удивительные были, написаны талантливо, ярко), рассказывая о живом человеке, с которым она была знакома в жизни, пишет: « — Да, — сказал он, — всякое чувство можно остановить волей. Если физической близости не должно быть и ты это понял — можно остановить чувство, как бы сильно оно ни было. Но тут уж надо быть неумолимым к себе» (8).

Неумолимым к себе... Толстого, конечно, мучал этот вопрос. Не случайно он

однажды спросил у Чехова: «Вы сильно распутичали в юности?» Антон Павлович смятенно ухмыльнулся и, подергивая бородку, сказал что-то невнятное, а Лев Николаевич, глядя в море, признался: «Я был неутомимый...» Отдадим должное за искренность и правдивость. Нет, не осуждаем. Очень сочувствуем, жалеем, ибо этот вопрос в жизни человека далеко не второстепенный. Решение всех жизненных вопросов находится в прямой зависимости от этого вопроса. Оттого и его Нехлюдов искупает свою вину мужественно и достойно, жертвуя собой. И насколько же нравственно Нехлюдов стоит выше Катюши Масловой (читатель удивится), а я утверждаю — выше. Вспомним разговор Нехлюдова с родной тетей Катюши, старой Матреной: «Кабы она меня слушала, она бы жить могла. Да хоть и племянница мне, а прямо скажу — девка непутевая. Я ведь ее после к какому месту хорошему приставила; не хотела покориться, обругала барина... Ну, ее и разочли. А потом опять же у лесничего жить можно было, да вот не захотела». Обстоятельства жизни Кати Масловой вовсе не похожи на обстоятельства Сонечки Мармеладовой. В ней много, очень много достойного, но... остается просто по-человечески и сожалеть, и сочувствовать.

Какие герои Толстого делают это *усилие*? Наташа Ростова? Нет. Попробуйте увидеть на месте Наташи Татьяну Ларину, я имею в виду ситуацию с Анатолием Курагиным. Да это непредставимо. Татьяна-то, вся жизнь ее — не только день, вся жизнь ее есть это усилие. Может быть, ближе к Татьяне Соня, княжна Марья?.. Ближе всего Андрей Болконский. Да, наверное. Но это большая отдельная тема. Ведь в каждом персонаже Толстого в большей или меньшей степени раздутья. Терзанья, поиски самого автора. Толстой в черновиках «Войны и мира» не раз оставлял Болконского в живых, но по воле автора Болконский умирает, и главная причина, на наш взгляд, в том, что по сущности своего характера он должен был бы прийти к истинной православной вере. Это не устраивало Толстого. Мы даже видим объяснение: Андрей приходит к Богу, но, руководствуясь рассудком якобы, но не сердцем.

Читаем Толстого, перечитываем. Как и он, верим в своего Бога, считаем, что в храм ходить не обязательно, находим разные оправдания... *Усилия*? Когда-нибудь, потом... Как далеко это потом? Что будет завтра?

Часто вспоминаю того дедушку, которого встретила в Ясной Поляне тогда, в своем отрочестве: «Разный он был, разный...» И внешний вид, и одежда, и какая-то мудрость, которую нельзя было не заметить, и умение достойно держаться... — все говорило о том, что это — как чудо, как сам Толстой... Может быть, встретил нас тогда при входе в Ясную Поляну внук Толстого? Может быть...

Думая о Толстом, о его воззрениях, мы, конечно, обязаны дать свою оценку. Толстой был, бесспорно, наделен Божьим даром — великим талантом писателя. Он гениальный писатель. Это прежде всего заставляет нас осмыслить и пережить в себе его жизненный опыт. В.В. Зенковский вскоре после смерти Толстого писал: «История души Толстого от ее первой фазы безрелигиозности до последних блужданий и ненужнозлой борьбы против Церкви — есть суровый и грозный урок нам всем».

Наши суждения не должны быть осуждением... Достоевский говорил о земном суде, что только тогда он принесет благодать, когда каждый, входящий в зал суда, не осудит внутренне обвиняемого, но осознает и переживет в себе ту вину, за которую тот должен понести наказание... Нет ли в каждом, хоть в малой мере, того, за что многие готовы осудить и осуждают Толстого?.. Есть знание, которое обязывает к действию, а где твоё действие? «И страшно станет. Страшно, Господи! Не суди нас всех и его не суди — прости, пропусти мимо, без суда Твоего» (Мережковский) (9).

Мы принимаем и разделяем мнение Мережковского. Но когда читаем «Ответ пастыря Церкви отца Иоанна Кронштадтского Льву Толстому на его обращение к духовенству», то душой и сердцем разделяем также отношение отца Иоанна ко Льву Толстому, к личности и творчеству великого писателя и, более того, конечно же, нам дороже обращение к русским людям нашего святого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 14 томах. — Т. 3. — С. 217.
2. М. Горький. О литературе. М., Советский писатель. 1955. — С. 175–216.
3. Л.Н. Толстой, ПСС в 90 томах, М., 1957. — Т. 23. — С. 304–465.
4. Святитель Николай Сербский. Православный катехизис, Клин. «Христианская жизнь», 2009. Никея. С. 54.
5. Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария, изд. «Отчий дом», Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1997. — С. 197.
6. Русские писатели XIX века (Андреев Иван Михайлович). Изд. «Русский паломник», М., 2009. — С. 357.
7. И.К. Сурский. Отец Иоанн Кронштадтский. Изд. «Отчий дом», М., 2008. С. 161–165.
8. Журнал «Юность», 1988, № 1. — С. 30–36.
9. М.М. Дунаев. Православие и русская литература. Изд. «Христианская литература», М., 1998, ч. IV, гл. «Л.Н. Толстой».

